

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-145-167>

УДК 39; 069.9

ББК 63.5; 79.2

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Л. Г. Ганина
г. Санкт-Петербург, Россия

© 2023 г. Е. Л. Мадлевская
г. Санкт-Петербург, Россия

© 2023 г. А. Б. Островский
г. Санкт-Петербург, Россия

**«БИБЛЕЙСКИЕ ОБРАЗЫ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ПРАВОСЛАВНЫХ НАРОДОВ РОССИИ»:
ВЫСТАВКА РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
К 520-ЛЕТИЮ ГЕННАДИЕВСКОЙ БИБЛИИ (ЯНВАРЬ — МАРТ 2021)**

Аннотация: В статье изложен замысел выставки и раскрыта его конкретная реализация. Опираясь на тематически подобранные памятники традиционно-бытовой культуры, выставка затрагивает события, образы христианской исторической памяти. Прежде всего, это Благая весть о приходе Спасителя в мир, Его Рождество, Распятие и Воскресение, а также ряд ветхозаветных историй — Сотворение мира, Ноев ковчег, Суд Соломона. В различных тематических разделах выставки запечатлены такие значимые образы, как райское древо жизни, лев, архангелы, а также рыба — раннехристианский символ Иисуса Христа, виноград (символ Церкви Христовой).

Представленные группы предметов разнообразны по их месту в народном быту: обрядовая атрибутика, вертепное представление, домовая резьба, предметы убранства интерьера — керамические изделия (тарелки, изразцы), деревянная расписная утварь, тканые и вышитые полотенца, декоративные изделия из кости, украшения восточных славян и финно-угорских народов. При подборе экспонатов учитывалось, что орнаментика предметов традиционно-бытовой культуры имела своим источником не всегда напрямую сюжеты, изложенные в библейских текстах, но также их фольклорную переработку в форме легенд, верований; в ряде разделов приведены апокрифические христианские тексты, имевшие распространение в народе.

Выставка проиллюстрировала процесс вставания ряда ключевых библейских сюжетов и образов, особенно Нового Завета, в мирозерцание православных народов. Закрепление библейских образов за конкретными категориями предметов, имевших определенное назначение в быту, создавало единую зримую ткань народного православия.

Ключевые слова: библейские образы, православные народы, традиционная культура, Российский этнографический музей, музейная выставка, символика льва, рыбы, винограда.

Информация об авторах:

Любовь Геннадьевна Ганина — научный сотрудник, Российский этнографический музей, ул. Инженерная, д. 4/1, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7093-646X>

E-mail: lg1selena@gmail.com

Елена Львовна Мадлевская — кандидат филологических наук, научный сотрудник ведущей категории, Российский этнографический музей, ул. Инженерная, д. 4/1, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: madlevska@mail.ru

Александр Борисович Островский — доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории, Российский этнографический музей, ул. Инженерная, д. 4/1, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3175-0248>

E-mail: ost-alex@yandex.ru

Дата поступления статьи: 03.08.2022

Дата одобрения рецензентами: 08.10.2022

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Ганина Л. Г., Мадлевская Е. Л., Островский А. Б. «Библейские образы в традиционной культуре православных народов России»: выставка Российского этнографического музея к 520-летию Геннадиевской Библии (январь — март 2021) // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 145–167.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-145-167>

К 1499 г. по инициативе архиепископа Новгородского Геннадия впервые на Руси была собрана в полном составе Библия (все канонические тексты Ветхого и Нового Завета) на церковнославянском языке [3, с. 73–74]. Это послужило духовным стимулом к расширению числа церковных приходов, распространению библейского знания, сюжетов и образов, в среде русского и других народов страны, принявших православие.

Наибольшее распространение в предметном мире православных народов России в последующие столетия получили сюжеты и визуальные образы, относящиеся к событиям, изложенным в Новом Завете — земной жизни Богородицы и Христа; в особенности это касалось Распятия и Воскресения Христовых и всего, что в истории Церкви относилось к циклу Двенадцатых праздников, а также некоторых событий Ветхого Завета. У различных православных народов в разных ситуациях повседневности в композиции артефактов визуально представлены такие популярные персонажи и образы, происходящие из Библии, как архангелы, ангелы (в значении не только вестника, но и охранителя), серафимы, а также лев (как оберег и символ власти), виноград (символ церкви, идущий из текстов Ветхого и Нового Завета), храм, Крест Христов.

Орнаментика ряда предметов традиционно-бытовой культуры имела своим источником не всегда напрямую сюжеты, изложенные в библейских текстах, но также и их фольклорную переработку в форме христианских легенд, верований. Это учитывалось членами авторского коллектива¹ при подборе экспонатов, раскрывающих ту или

¹ Авторский коллектив: Баранова О. Г., Ганина Л. Г. (куратор), Калинина О. В., Мадлевская Е. Л., Маевский Д. К. (дизайнер), Островский А. Б. (куратор), Песецкая А. А., Чувьуров А. А. Сдвиг открытия выставки на начало 2021 г. был обусловлен ограничениями в период пандемии.

иную тему. Собственно тексты христианских апокрифов, преданий, помещенные на специальные планшеты под аркой, присутствовали во многих разделах выставки, служа важным дополнением, а кое-где и смысловым ключом к воссозданию народной трактовки визуальных образов.

Тематические разделы выставки, располагавшиеся в прямоугольном зале 150 кв. м., последовательно, по часовой стрелке, воспроизводили народную трактовку событий священной истории в следующих девяти разделах: «Сотворение мира», «Лев — спаситель Ноева ковчега. Фараонки», «Библейская мудрость. Пророки», «Благая весть. Образы Богородицы», «Рождество Христово», «Рыба — символ Христа», «Образы винограда и граната», «Вертепный театр», «Символика Распятия и Воскресения Христова». Присутствовали еще два дополнительных раздела: «Библейские сцены, символы в украшениях» и «Предметы личного благочестия». Завершала выставку апокалиптическая тема, дополненная народными представлениями об исходе души христианина — «Страшный суд. Проводы души». Центральное место, фронтально от входа в выставочный зал, занимали разделы, воплощавшие христианскую историческую память об ожидании прихода Спасителя в мир и связь Ветхого и Нового Завета: от Благой вести до символика винограда.

Представляемые в различных тематических разделах группы предметов разнообразны по их месту в народном быту, по материалу и технике изготовления: обрядовая атрибутика, домовая резьба, предметы убранства интерьера — керамические изделия (тарелки, изразцы), деревянная расписная утварь, тканые и вышитые полотенца, подзоры, декоративные изделия из кости, предметы благочестия и украшения русских, украинцев, белорусов, финно-угорских народов (вепсы, карелы, коми, сету, мордва).

Описанный в книге Бытия процесс сотворения мира зачастую совмещался в народном сознании с практиками изготовления материальных объектов, в частности гончарных изделий. Именно поэтому выставка начиналась с гончарного круга. На нем не было ни декоративной резьбы, ни сюжетной росписи. Гончарный круг ценен сам по себе, как символ бытовавших у ряда народов представлений о сотворении мира из глины [4, с. 139; 17, с. 34–37; 21, с. 596]. «Прах земной», из которого согласно Библии был сотворен Адам (Быт. 2:7), в культуре многих народов, исповедующих православие, также отождествлялся с глиной [4, с. 141; 21, с. 602]. Над гончарным кругом располагалась деревянная фигурка ангела, напоминающая посетителям о том, что ангелы созданы прежде людей.

В первом разделе был приведен фрагмент апокрифа XII в. о сотворении Адама: «И послал Господь Своего ангела... и оживил душу в человеке, и дал ему имя Адам. А костей Бог создал в Адаме триста сорок пять, и стал Адам царем над всеми землями, и птицами небесными, и зверями земными, и рыбами морскими, и дал ему Бог власть надо всем. И сказал Бог Адаму: “Тебе служат солнце, луна и звезды, и птицы небесные, и рыбы морские, и животные, и гады”. Господь Бог на востоке насадил рай и велел Адаму там жить, а жена Адаму еще не была создана. И насладил Бог на Адама сон, и Адам уснул, и Бог взял его левое ребро, а из ребра выпростал руки, и ноги, и голову, и создал жену в шестой день: и предсказал Господь Адаму Свою смерть, и распятие, и воскресение, и предвидел Он вознесение за пять тысяч пятьсот лет. И увидел Адам Господа распятого, Петра в Риме, а Павла в Дамаске, обучающих народ и проповедующих Его воскресение и как вознесся Господь...» [29, с. 151].

Центральными экспонатами в разделе, посвященном райскому саду (иллюстрация 1), были куклы — Адам, Ева и Ангел — из белорусского вертепного театра, дати-

руемые последней третью XIX в. Они были расположены выше керамических фигурок животных и бытовых предметов, что подчеркивало главенствующую роль человека над прочими творениями Божьими. Чтобы передать народное представление о рае как месте, где мирно обитают разные звери, рядом были представлены керамические фигурки хищных и травоядных животных, а также птиц и рыб. В частности, вепские игрушки: лев, олень, баран, свинья, уточка, рыба; украинские декоративные статуэтки: олень и птицы, украинский сосуд для напитков в форме барана, русский декоративный сосуд в виде верблюда и др. Среди прочих райских «обитателей» была представлена рыба — русский декоративный подсвечник в форме рыбы на семь свечей, как напоминание о библейских семи днях творения.

Иллюстрация 1 — Первые три темы выставки: «Сотворение мира», «Лев — спаситель Ноева ковчега. Фараонки», «Библейская мудрость. Пророки»
Figure 1 — The First Three Themes of the Exhibition: “Creation of the World”, “The Lion is the Savior of Noah's Ark. Pharaohs”, “Biblical Wisdom. Prophets”

В этом же разделе раскрывалось распространенное народное представление о рае как цветущем саде. Жители Полесья мыслили рай как огромный сад в небе, огороженный высокой стеклянной стеной, со стеклянным сводом, а крестьяне Русского Севера представляли рай как вечнозеленый сад, где нет зимы и непогоды [33, т. 4, с. 397–398]. Широкое распространение имело поверье, что птицы улетают зимовать в рай, а весной возвращаются обратно к людям [там же, с. 399]. Мотив райских птиц, изображаемых на дереве или среди ветвей, встречается в росписи предметов интерьера (на керамических тарелках, лопастях прялок, деревянных сундуках и др.); в вышитом декоре текстильных изделий (на полотенцах и подзорах). Анализ музейных коллекций

позволяет констатировать визуальную вариативность образа райских птиц — их изображали не только как пав и голубей, но и как фантастических существ, сочетающих в себе антропоморфные и орнитоморфные элементы. На выставке было представлено русское полотно для украшения икон, датируемое второй половиной XIX в., с изображениями райских птиц Сирина и Алконоста и надписью: «СНЕ УЗОРЫ СЛАВНАЯ ПТИЦА РАЙСКЯ СИРИН».

Первым людям было разрешено есть плоды от любого дерева, кроме древа познания (Быт. 2:16-17). Вкусив запретный плод, они ослушались Бога и были изгнаны. Вкусив от древа познания, люди лишились доступа и к другому райскому дереву — дереву жизни, дающему бессмертие [31, т. 2, с. 133–135]. В культуре восточных славян библейское древо жизни стало одним из любимых символов, его связывали с плодородием, продолжением жизни, оно играло важную роль в свадебной обрядности [там же, с. 133–135]. На выставке были представлены различные бытовые предметы с изображением древа жизни: ирразцы, прялки, вышитые полотенца.

Херувим с пламенным мечом, поставленный Богом на востоке рая охранять пути к дереву жизни (Быт. 3:24), сближался в народном сознании с архангелом Михаилом, предводителем небесного воинства [20, с. 11]. Ангелы — вестники воли Божией и защитники рода людского — зачастую воспринимались как «грозные» и «страшные» [1, с. 301]. Именно такими — в виде крылатых голов с суровыми лицами — они предстают на украинских керамических изделиях и набожниках (полотенцах для украшения икон). В то же время, согласно некоторым апокрифическим текстам, архангел Михаил молил Бога помиловать согрешивших людей [23, с. 22]. В народе архангел Михаил считался проводником душ на тот свет, помогающим праведникам достичь рая [32, т. 3, с. 255; 19, с. 48]. Возможно, поэтому в народной вышивке можно встретить сближение образа архангела Михаила с райскими птицами. На выставке было представлено украинское полотно из Елизаветпольской губ., датируемое последней третью XIX в., с изображением архангела Михаила в виде птицы с человеческим лицом, на голове которой архиерейский головной убор — митра с крестом.

Изображения льва упоминаются в описании убранства храма, построенного в Иерусалиме царем Соломоном (3 Цар. 10: 19). В России львов изображали и в культовом искусстве, испытавшем влияние византийской традиции, — в архитектуре Киевской Лавры, храмов Владимира и Суздаля, и в светском — на воротах дворца Ивана Грозного, а позднее на набережных, у входа в здания столицы, построенной Петром Великим. Смысловая гамма львиных образов в русской народной культуре сложилась не только под влиянием этих источников, но и в результате широкого бытования христианских апокрифов.

В древнерусском списке Толковой Палеи (изложении сюжетов Ветхого Завета с апокрифическими вставками) конца XIV в. повествуется о борьбе «лютого зверя» с дьяволом в Ноевом ковчеге, пытающемся его потопить [13, с. 267]. В различных вариантах народной легенды, записанной в конце XIX в. в разных губерниях, в качестве такого зверя фигурирует именно лев. Приведем запись, сделанную в Вятской губ.: «До всемирного потопа кошек на земле не было, они появились в ковчеге Ноя. Когда праведный Ной вошел в ковчег со своим семейством, кроме жены, дождь стал лить, как из ведра. Только бы войти жене и запереться, да она зачем-то все не хотела войти... Наконец Ной вышел из терпения и обругал ее: “Иди, — говорит, — проклятая!” Тогда вошла его жена, но с ней вошел в ковчег и дьявол... Дьявол в ковчеге стал думать, как

погубить Ноя с семейством и животных. Вошел он в мышь, и эта мышь стала прогрызать в углу дыру, чтобы попала в ковчег вода. В это время лев выфыркнул из носу кошку, и это животное съело мышь» [16, с. 21]. Здесь лев — не только страж, но и спаситель передвижного дома-вместилища.

В русской культуре XVII – начала XX в. лев нередко изображался именно на предметах-вместилищах (в домовой резьбе на лобовых досках, наличниках, в резьбе или рисунках на ларцах) и тех, что связаны с движением: на конских дугах, прялках, трепалах, рубелях. Симметрично расположенные львы-стражи изображались на входной арке, ведущей на усадьбу (обычно они не выглядели грозно, поэтому, например, в Нижегородской губ. их называли «котами» [7, с. 14]), на набилках (деталь ткацкого стана), а в единой композиции с деревом жизни — на подзорах, печных изразцах, чернильницах.

В различных губерниях в конце XIX в. бытовала легенда о происхождении русалок («фараонок»): «“Морськи люди” получили свое начало с того времени, когда фараон погнался за евреями в Чермное море, а вода и застигла его со всем войском на самой середине, с тех пор они и превратились в морских людей, приняв форму в нижней части тела — рыбью, а верхняя часть осталась человеческою» [13, с. 292]. В поволжских губерниях в XIX в. изображения русалок-фараонок нередко можно было встретить в резном декоре речных кораблей, а также в крестьянской домовой резьбе [2, с. 36, 134–137]. В повседневной культуре эти изображения — и львов, и фараонок — приобрели значение христианских оберегов, способствующих преодолению опасности от водной стихии.

На выставке показаны резные львы в экстерьере русской крестьянской усадьбы; рисованные львы в декоре русской деревянной утвари — на конских дугах, на крышке ларца и лопастях прялок. Они соседствовали с украинскими керамическими сосудами для вина и мордовской солонкой в форме льва.

В тексте, раскрывающем третью тему, посвященную народному знанию о библейской мудрости и пророчествах, упоминалась широко известная у восточных славян история о суде царя Соломона. В ответ на предложение Господа Соломону, только вступившему на царский престол, что-либо попросить для себя, Соломон просит даровать ему «сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло» (3Цар. 3: 9). И это «сердце мудрое и разумное» вскоре помогло найти верное решение в споре между двумя матерями. У одной из женщин, живших в одном доме и родивших почти в одно и то же время, ребенок умер, и каждая называла оставшегося в живых младенца своим, упрекая другую в подмене. Соломон предложил поделить ребенка между ними, а для этого рассечь его мечом пополам. Одна из женщин согласилась, а другая готова была отдать ребенка сопернице, лишь бы его спасти. Именно ей, по решению царя Соломона, был отдан младенец (3Цар. 3: 16-27).

Изображение этой библейской сцены принятия решения можно было встретить на мужских перстнях-печатах, в декоре шкатулок, выполненном косторезами Русского Севера. В XVIII–XIX вв. мастера г. Холмогоры (Архангельская губ.) — старейшего центра резьбы по кости — довольно часто обращались к библейским сюжетам. В этом разделе были показаны холмогорские ларцы со сценой суда Соломона и с сюжетом «Сусанна и старцы» на костяных пластинах. В раздел был включен и текст русского апокрифа XIX в., объясняющего, как Соломону удалось самому выйти из ада: «...стал строить в аду церковь, чтобы по ней подняться и выйти из ада. Сатане это стало нелюбо: как бы в этой церкви потом не стали молиться грешники и через нее выбираться верой.

Тогда сатана выгнал Соломона из ада, а самую церковь тоже выбросил оттуда на землю. Эту церковь, говорят, Соломон достроил в Иерусалиме» [1, с. 284].

Уважение к знанию пророков, получаемому, как и мудрость, от Бога, запечатлено в композиции *лестовок* — древнерусских четок, одинаковой и бытующей в различных согласиях старообрядцев (в силу этого возникшей, по-видимому, до раскола, т. е. не позднее первой половины XVII в.) Молитвенный круг таких четок состоит из 100 бусин, разделен на четыре части, и первое число бусин — 17 обозначает то, сколько в Ветхом Завете имеется пророчеств о рождении Мессии — Иисуса Христа; еще два числа бусин — 33 и 12 символизируют годы земной жизни Спасителя и количество Его ближайших учеников. Наряду с лестовками, тема пророков была представлена серебряным окладом Евангелия: на четырех уголках были изображены евангелисты с их символами (лев, телец, орел, ангел) — персонажами, восходящими к пророчеству Иезекииля. Можно было увидеть также мордовское деревянное изображение головы Иоанна Предтечи, хранившееся, согласно музейной описи, в XIX в. в переднем углу избы.

Тема Благой вести открывалась украинским апокрифом, зафиксированным в XIX в.: «Когда архангел Гавриил возвестил Пресвятой Деве, что от нее родится Спаситель, она сказала, что поверит этому, если оживет рыба, у которой один бок уже съеден. Сразу же ожила такая рыба — появилась на свет однобокая камбала» [13, с. 159]. Рядом был помещен (горизонтально, ввиду условий хранения) уникальный экспонат — икона Богородицы на камбале (иллюстрация 2). Известно, что она бытовала в XIX в. в Полтавской губ. в среде украинских чумаков — торговцев, везших на полуостров Крым зерно, а оттуда привозивших соль (музейная опись: РЭМ 994–35, 36), была ими передана в сельскую церковь в качестве пожертвования.

Иллюстрация 2 — Икона «Богородица». Вторая половина XIX в. Полтавская губ. Украинцы
 Figure 2 — Icon “Virgin”. The Second Half of the 19 Century. Poltava Prov. Ukrainians

Каноничный сюжет Благой вести был представлен на вышитом церковном покровце и на иконе в воссозданном переднем углу русской избы (иллюстрация 3). Здесь же, дополняя народное понимание этого события, было представлено полотенце сету, изготовленное в 1930-е гг., на одном конце которого масляной краской изображен ангел, а на другой — Св. Дух в виде голубя.

Иллюстрация 3 — Тема «Благая весть. Образы Богородицы»
Figure 3 — Theme “Annunciation. Images of the Virgin”

Вблизи переднего угла помещалась корзина-севалка с зерном, на котором стояла благовещенская просфора. Этот комплекс воспроизводил русский обычай, относящийся к первому севу зерновых. Во многих центрально- и южнорусских губерниях первый сев проводили сразу после праздника Благовещения, измельченную в крошки просфору смешивали с посевными семенами [11, с. 386–387]. Еще на двух предметах — солонке и дарохранительнице — в росписи на дереве воспроизводился иконописный сюжет Благовещения.

В следующем разделе выставки (иллюстрация 4) были представлены ритуальные предметы, относящиеся к двум праздникам, находящимся в непосредственном соседстве в русском православном календаре: к Рождеству Христову и *Бабину дню* — празднику повивальных бабок и рожениц, проводимому в Смоленской губ., Рославльском у. 26–27 декабря [33, т. 4, с. 572]. Выделялись две доминанты, относящиеся, соответственно, к этим праздникам: рождественская звезда, с которой у восточных славян 25 декабря / 07 января группа подростков, молодежи совершала в селе обходы крестьянских домов, поздравляя с приходом в мир Спасителя [11, с. 319–320]; большая восковая братская свеча в своей рубашечке (РЭМ 1243–139), ежегодно наращиваемая

и, согласно музейной описи, символизирующая рождение младенца, единство всех повитух и рожениц, покровительство им Богородицы.

Иллюстрация 4 — Тема «Рождество Христово»
Figure 4 — Theme “Christmas”

В этот же раздел были включены севернорусские рождественские пряники начала XX в. (муляжи) — изображения Вифлеемской звезды, ангела, оленя, овцы. В православной культуре олень символизирует чистоту, благочестие [32, т. 3, с. 545]. Овца (агнец) — раннехристианский символ Христа; по славянским представлениям, овца, овечье руно — символ плодородия, благополучия [32, т. 3, с. 502, 504] Здесь же помещались архангельские металлические формы для выпекания пряников — в виде звезды, винограда. К Рождеству Христову относился и оригинальный предмет, изготовленный в 2009 г. в Архангельской обл., Шенкурском р-не: скрепленные сверху и снизу рейки, образующие крест, посередине дополненный вертикалью. Такие предметы, воспроизводящие монограмму Спасителя — IX — архангельские дети, подростки называли «помилка», с ними совершали рождественские обходы (полевые материалы члена авторского коллектива выставки О.Г. Барановой).

Переходом к вертепному театру служил раздел, представляющий раннехристианский, в период гонения на христиан, символ Христа — изображение рыбы (визуальное воплощение греческого слова «ИХТИС», возникшего как аббревиатура словосочетания, хранившего тайное знание — «Иисус Христос Бога Сын Спаситель») [25, с. 393] на бытовых предметах различного назначения (иллюстрация 5).

Иллюстрация 5 — Тема «Рыба — символ Христа»
Figure 5 — Theme “Fish — The Symbol of Christ”

В Новом Завете неоднократно встречается аллегорическое упоминание рыбы. Многие из апостолов, ближайших учеников Иисуса Христа, были рыбаками. Христос уподобляет Царство Небесное «неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода» (Мф. 13: 47). Кроме того, в Евангелии неоднократно присутствует связь рыбы с благословенной трапезой. Вот как описан эпизод, когда Христос кормит народ в пустыне: «Он взял пять хлебов и две рыбы, возрев на небо, благословил и преломил хлебы и дал ученикам Своим, чтобы они раздали им; и две рыбы разделил на всех. И ели все, и насытились. И набрали кусков хлеба и остатков от рыб двенадцать полных коробов» (Мк. 6: 41–43).

У православных народов рыба является предпочтительным блюдом для трапезы в праздник Благовещения и Рождественский сочельник [30, т. 1, с. 186; 33, т. 4, с. 505]. У украинцев изображение рыбы широко встречается на праздничных керамических тарелках: одна или несколько рыб, а также рыбы, вкушающие виноград (объединение двух библейских символов). Две или три рыбы на тарелках — здесь, полагаем, посредством числовой символики подразумеваются, соответственно, упомянутый выше евангельский эпизод о накормлении народа двумя рыбами и пятью хлебами, и почитание Св. Троицы. У русских, украинцев нередко рыбу вырезали на формах для выпекания праздничных пряников, а также довольно часто — на черенках ложек в качестве христианского символа и, по-видимому, напоминания о том, что трапеза посвящена Богу и спасению души.

Истоки народного кукольного театра восточных славян (иллюстрация 6), являвшегося элементом святочных развлечений, восходят к западноевропейской средневековой традиции устанавливать в церквах на Рождество ясли и фигурки Богородицы, Младенца Иисуса Христа, пастухов, осла и быка. Позднее фигурки стали делать подвижными, а кукольные представления показывать на площадях в переносных ящиках [14, с. 16].

Иллюстрация 6 — Тема «Вертепный театр»
Figure 6 — Theme “Puppet Theater”

К белорусам кукольный театр пришел с Украины и из Польши и получил распространение в начале XVI в. Белорусское название «батлейка» происходит от польского *Betleem* (название г. Вифлеема) [24, с. 41]. В Россию театр проник в конце XVII – начале XVIII в., здесь он получил название «вертеп» — по месту, где Святое семейство укрывалось во время бегства из Иордании в Египет от злодеяний царя Ирода — пещере (в старославянском языке «вертеп»). У русских вертеп распространился в Сибири, унаследовав украинскую традицию благодаря воспитанникам Киево-Могилянской академии, направленным в XVII в. в г. Тобольск для работы, и в западнорусских губерниях — Новгородской, Смоленской под влиянием белорусской батлейки [22, с. 35; 18, с. 128].

Изначально вертепные представления у восточных славян имели религиозную направленность, были связаны с сюжетом о Рождестве Христовом и злодеяниях Ирода. На выставке был размещен текст XVIII в. к украинскому вертепному представлению: «Пению время и молитве час, / Христе рожденный, спаси всех нас! / Восстаньте от сна и благо сотворите, / Рождение Христа повсюду возвестите...» [5, с. 26].

Со временем кукольные расширили репертуар за счет бытовых сцен, и вертеп превратился в народный театр. Представления разыгрывали профессиональные вертепщики или любители: священнослужители, крестьяне, солдаты, мещане. Зрелища приурочивали обычно к Святкам; но уже в XIX – начале XX в. исполнение спектаклей стало промыслом, ориентированным на время проведения крупных ярмарок в разных городах России [28, с. 63].

Ящик для спектаклей, называвшийся у белорусов *батлейка*, а у русских *вертеп*, обычно состоял из двух, реже из трех, ярусов, в «полу» которых имелись прорезы для вождения кукол, закрепленных на стержнях. Ящик украшали цветной тканью и бумагой. Верхний ярус назывался *небом*, *пещерой*, *хлебом*; в нем устраивали подобие пещеры или хлева с яслями, а также неподвижные фигурки Марии, Иосифа, Младенца Иисуса Христа, домашних животных [28, с. 64]. На выставке был представлен ящик для батлейки последней трети XIX в. из Могилевской губ., который состоит из двух ярусов. На верхнем из них были размещены куклы персонажей мистерии: Царь Ирод, Святое Семейство, три царя. Нижний ярус назывался *землей* или *дворцом*; здесь вертепщик разыгрывал действие о злодеяниях Ирода и его наказании, а также бытовые сценки комического и сатирического характера [28, с. 64]. На выставке в нижнем ярусе можно было увидеть кукол для бытовой сцены — пастушков и Антона с козой (Колл. РЭМ 2526 — 20 — белорусы).

Устройство театра было проиллюстрировано также с помощью вертепного ящика начала XX в. из Новгородской губ. Здесь были представлены куклы: Ирод и его воины.

Наряду с библейской мистерией «Царь Ирод», народной драмой «Царь Максимилиан» в репертуар батлейки входили жанровые сценки «Мужик Матвей и Доктор», «Макар», «Скоморох с медведем», «Цыган и Цыганка», «Антон с козой и Антониха», «Два рыцаря», «Еврей», «Баба-ворожея», «Франт поляк с паненкой», «Казак и Казачка», «Купец», «Матвей да лекарь», «Антон по сказке да Антониха», «Берка-трактирщик», «Цыган да цыганка» и другие, основанные на белорусском фольклоре [12, с. 6]. Иллюстрацией жанровых сцен на выставке послужили куклы Солохи, Антонихи, цыгана, цыганки и ее сына, пана и паненки.

Батлейка и вертеп активно бытовали до первых десятилетий XX в. [6, с. 22]. В настоящее время они возрождаются преимущественно в городской среде как национальный рождественский и детский театр. На выставке представлены были вертепные куклы 1990-х гг. из Санкт-Петербурга, среди которых присутствовали как обычные образы Ангела, Смерти, черта, Ирода, солдата, Рахили, Звездочета, пастухов, волхвов, раввинов, вестника, так и вновь введенные персонажи — Архангел, Иродиада (в пару Ироду), Жизнь (в противовес Смерти). Среди кукол есть также новый для вертепной традиции вариант образа Богородицы — в виде Оранты, при этом с Младенцем анфас и тоже с поднятыми руками (колл. РЭМ 12611- 51 — русские).

На представления славян и других христианских народов о винограде повлияла библейская символика этого растения: изобилие, процветание и, шире, жизнь. (Подробнее см.: [10, с. 36–57]. В Новом Завете тема виноградника соотносится с темой причастия и Иисусом Христом. Он провозглашает ученикам на Тайной Вечере: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — Виноградарь... Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода» (Ин 15:1, 5).

В убранстве православного храма обычно присутствует изображение виноградной лозы. Этот узор встречается и в декоре церковной утвари — потира, сосуда для

причастия, а также покровцов, знамен, священнических одеяний и др. На выставке (иллюстрация 7) был представлен декорированный в технике золотного шитья русский бархатный покровец конца XIX – начала XX в. с изображением креста в центре и мотивом виноградной лозы с крупными листьями по периметру предмета. Виноградные грозди присутствуют на русском священническом поясе и части церковного облачения XIX в. В центре композиции на обоих предметах золотной нитью вышита небольшая чаша, с пышными ветвями и причудливыми цветами, побегами виноградной лозы и гроздьями. Фоном для золотного шитья является бархат зеленого цвета, присутствующий в облачениях в праздник Входа Господня в Иерусалим, дни Святой Троицы и Святого Духа. Украинская традиция декорирования церковного одеяния была представлена вышивкой с подола подризника (облачения священника) начала XIX в. из Полтавской губ. Вышивка выполнена по белому холсту разноцветными шелковыми нитями в технике гладьевых швов.

Иллюстрация 7 — Тема «Образы винограда и граната»
Figure 7 — Theme “Images of Grapes and Pomegranates”

В Ветхом Завете виноградная лоза выражает идею плодородия и продолжения рода: «Жена твоя, как плодovitая лоза, в доме твоём» (Пс. 127:3). В восточнославянском фольклоре виноград — символ новобрачных, даже в тех регионах, где реального винограда не видели никогда. На выставке в качестве примера был приведен текст севернорусской свадебной песни: «...Виноград-то — Иван-сударь, / А ягодка, а малинка — свет ты Марьюшка... А ягода, а ягода — Свет Прасковья его...» [9, с. 158].

Изображение винограда нередко использовали в декоре праздничной одежды парней, девушек, молодых женщин, особенно в свадебных костюмах. На выставке были представлены детали женских головных уборов конца XVIII – начала XIX в.

с изображением виноградных гроздей, созданным в технике золотного шитья. В одном случае они выполнены в области очелья в виде гирлянд с побегами виноградной лозы. В другом — гроздя и листья винограда вышиты золотной нитью на донце кокошника московского типа из алого бархата в сочетании с образами цветов, бутонов, колосьев, соединенных в единый образ дерева. Изображение виноградных гроздей характерно для данного типа кокошников, а также для золотошвейных платков, бытовавших во многих местностях во второй половине XIX в. Платок Нижегородской губ. был представлен на выставке.

Виноградная лоза с листьями и гроздьями — один из популярных образов в декоре свадебных мужских рубах рубежа конца XIX – первой половины XX в. повсеместно в России. Изредка он встречается в вышивке на свадебных однодворческих сарафанах. На выставке посетители могли увидеть мужской свадебный костюм начала XX в. Старорусского у. Новгородской губ., орнамент на рубахе которого выполнен в технике косога креста красными нитями по белому фону, и костюм второй половины XIX в., принадлежавший молодой женщине-однодворке из Екатеринославской губ. Вдоль нагрудного разреза, верхнего края спереди и сзади сарафан из черной шерстяной домотканины украшен нашивками в виде полос красной шелковой ткани. На них выполнена вышивка золотными нитями и бисером — образ вьющейся лозы с крупными листьями и гроздьями. Лоза изображена с помощью выкладки металлизированной нити в два ряда с нечастыми прикрепами и нашитыми металлическими блестками. Грозди винограда изображены с помощью вышивки белым и синим бисером по настилу, обеспечивающему выпуклость ягод. Каждая ягода обведена ребристой канителью.

Из свадебного текстиля, декорированного вышивкой с образом винограда, был представлен уникальный предмет — подзором, изготовленный в конце XIX в. известной собирательницей русской старины Н.Л. Шабельской.

Продолжение свадебной тематики нашло отражение в фольклорном материале: на выставке можно было прочесть текст одного из севернорусских *виноградий* — песен, использовавшихся в ритуале святочного колядования. Поздравительно-величальные песни, исполняемые во время обходов домов, назывались *виноградьями* благодаря рефрену: «Виноградье, красно-зеленое мое!» Их пели преимущественно на Русском Севере. Они встречались также во Владимирской, Нижегородской, Рязанской губерниях, в Поволжье. Мотивы этих песен большей частью связаны с брачной и семейной тематикой. В форме виноградий исполняли также величальные песни на праздничных молодежных посиделках и на свадьбах.

Образ виноградной грозди широко известен в декоративном искусстве восточных славян: резьбе и штамповке по металлу, росписи по дереву и керамике. Данная тема на выставке иллюстрировалась русскими пряничными досками XIX в., с их контррельефной резьбой, украинской полихромной керамикой: полтавскими мисками первой четверти XX в. и киевским кувшином конца XIX – начала XX в. Особенностью изображения винограда на многих текстильных, деревянных и керамических предметах является идущее вразрез с реальностью направление гроздей — ягодами вверх.

Близкой винограду символикой обладает еще один из библейских образов — гранат. В Книге Чисел этот плод, как и виноград, соотносится с благополучием, представляя идею плодородия Обетованной земли. Упоминается гранат и в Песне песней Соломона, где, как и виноград, являет собой символ любви и чувственности: «Как половинки гранатового яблока ланиты твои под кудрями твоими...» (Песн. 4:3), его красный цвет ассоциируется с любовной страстью.

В церковном обиходе Древней Руси широко использовали дорогие привозные ткани с декором в виде стилизованного граната: из них шили утварь, одежду священнослужителей [8, с. 331, 337–340, 343, 350, 352, 353 и др.]. В русской золотошвейной традиции очевидно заимствование этого образа для украшения мирских предметов. Продуцирующая символика заморского плода объясняет появление его изображения в декоре предметов, связанных со свадебной обрядностью (подзоры, полотенца), а также в костюме молодых женщин (на головных уборах, рукавах).

На выставке тема граната была отражена в ряде предметов. Это оплечье — часть церковного облачения XIX в., на зеленом бархатном фоне которого золотными нитями в числе разнообразных причудливых растительных и цветочных мотивов вышиты три крупных граната со вписанным в каждый из них четырехконечным крестом со словами «ІС.ХС. НИКА». На стендах раздела были помещены задние детали кокошников разных типов. Среди них — фрагменты кокошников-сборников второй половины XIX в., характерных для тотемской традиции (Вологодская губ.). У них фон полностью покрыт золотным шитьем, изображающим ветвистое дерево с фантастическими цветами и плодами граната. В декоре использованы приемы прикрепов по фону и шитье по карте в лом с расколом карты. Совсем иная стилистика изображения на заднике нижегородского гребенчатого кокошника: вышитое на фоне из бордового бархата пышное дерево, с большими листьями, цветами и плодами граната, выполнено в технике крупных узорных прикрепов, с обводкой контуров рисунка в виде воздушных петель, и лишь кое-где по карте в лом. Крупный образ граната изображен и на замшевой сумочке типа лакомника из Тверской губ., XIX в. Она декорирована в технике золотного шитья растительным орнаментом, доминирующая роль отведена плоду граната.

В разделе «Символы Распятия и Воскресения Христова» объединены две темы, непосредственно связанные в христианском календаре и народном быту: припоминание в Страстную неделю о евангельских событиях и обычаи пасхального празднества.

На православных крестах, носимых на груди или устанавливаемых в божницу, уже с XVI – первой половины XVIII вв. [27, с. 129-131, 95, 110–111, 66, 135] обычно изображались орудия Страстей Христовых, на некоторых — также дележ между стражниками одежды Распятого и произошедшее перед Его кончиной затмение обоих светил — солнца и луны (Мф. 27: 45). На выставке, в верхней части витрины можно было увидеть наперсные (XVI–XVII в.) и киотные (XIX в.) кресты с перечисленной символикой (иллюстрация 8). В нижней части витрины располагались предметы, характеризующие радость пасхальную: формы для творожной пасхи, русский и украинский короба для освященного хлеба; южнорусские и украинские пасхальные писанки; гуцульские изразцы с изображениями церкви, звонарей.

Иллюстрация 8 — Тема «Символы Распятия и Воскресения Христова»
Figure 8 — Theme “Symbols of the Crucifixion and Resurrection of Christ”

Обычай окрашивать пасхальное яйцо в красный цвет восходит к преданию о посещении римского императора Тиберия Марией Магдалиной, чтобы сообщить, что Иисус Христос воскрес [26, стб. 1768]. Окрашенное пасхальное яйцо — знак победы над смертью. На выставке присутствовали южнорусские и украинские писанки. Способы декорирования пасхальных яиц варьировали: от простого — однотонного окрашивания яйца до более сложного — расписывания яиц, процарапывания или вытравливания орнамента на предварительно окрашенном яйце. Среди мотивов росписи, наряду с геометрическими, — церковь, крест, древо жизни, петух (считалось, возвещает Воскресение [33, т. 4, с. 29]).

В этот раздел были включены апокрифические тексты, записанные в XIX–XX вв. в среде русских, украинцев, о чудесных знаках, подтвердивших Воскресение Христово (см. [13, с. 366–372]), в том числе о петухе: «Когда разбойники Христа распяли, пришли и сели за стол, жареного петуха принесли. Поговаривают, что уйдет Христос с распятия. А один разбойник говорит: “Как это уйдет? Он распятен. Вот петух зажарен, дак куда уйдет?” Петух вдруг сколыхнулся, захлестал крыльями и закукарекал» (Запись в Архангельской обл., конец XX в. [13, с. 370]). На выставке визуальной опорой для этого популярного сюжета служили русский светец с изображением петуха и украинская форма для пряника (иллюстрация 9), где над изображением петуха были вырезаны буквы: «ХИФ», что при прочтении на прянике, т. е. в обратном порядке, дает аббревиатуру, означающую «Бог Иисус Христос».

Иллюстрация 9 — Форма для пряника. Конец XIX – начало XX в. Полтавская губ. Украинцы
Figure 9 — Form for Gingerbread. Late 19 – early 20 Century. Poltava Prov. Ukrainians

Формы для пасхи у русских и карел имели вид усеченной пирамиды, с декором, создающим в выпекаемом изделии образы креста, дерева. Между этими формами располагался уникальный экспонат — хлебница пасхальная второй половины XIX в. из Вологодской губ. Кратко опишем ее.

Лукошко из луба с деревянной крышкой; роспись выполнена красками. На корпусе равномерно расположены изображения сиринов. На крышке (иллюстрация 10) нарисована рыба и по ее сторонам 12 человеческих фигур. Здесь же по кругу идут надписи: «ХТО БОГА ПОЧИТАЕТ ТОТ БОЖЬИ ДАРЬ СОХРАНЯЕТЪ» и «КОМУ ЦЕРКОФ НЕМАТ[Ь] ТОМУ БОХЪ НЕОТЕЦЪ». Над изображением рыбы: «ВОТЪ РЕБЯТА НАША ЛЮБОФЪ»; под ним — надпись в две строки: «ДВЕНАТЦЕТЬ БРАТЕФЪ» и «ВОТЪ БРАТЦЪ ВЫПЕМЪ ДА И ЗАКУСИМЪ». Около головы рыбы — изображение человека и надпись: «НЕ ПЕИ ПОДВЕ ВАНЯ».

Иллюстрация 10 — Хлебница пасхальная (фрагмент). Вторая половина XIX в. Вологодская губ. Русские
Figure 10 — Easter Bread Box (Fragment). The Second Half of the 19 Century. Vologda prov. Russians

Сочетание изображения рыбы (раннехристианского символа Христа) с 12 «братями», по 6 с каждой стороны, воспроизводит иконописную композицию «Тайной вечери», где Христос показан с 12 Своими учениками. Прочие изображения и надписи выражают народно-православное восприятие пасхального праздника.

У восточных славян всю пасхальную неделю после утренней службы каждый мог позвонить в церковные колокола, выражая радость пасхальную — победу над смертью [11, с 408]. Гуцульские изразцы с изображением церкви и звонарей представляли этот обычай.

Завершающий раздел выставки — «Страшный суд. Проводы души» (иллюстрация 11) открывался помещенным на стене украинским ковром XIX в., где изображен ангел с мечом и весами. В расположенной рядом витрине были воссозданы некоторые православные верования, обряды, относящиеся к проводам души.

Иллюстрация 11 — Завершающие темы выставки
Figure 11 — Closing Themes of the Exhibition

«Страшный суд» — это возникшее в народной среде обобщающее понятие о грядущем всеобщем суде над людьми, о котором повествует Новый Завет: «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую <...>. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф. 25: 31-33, 46). Воззрения о *Страшном суде* сформировались также под влиянием «Откровения Иоанна Богослова». Сигналом к началу суда над человеческими душами станет, по русским представлениям, звук трубы архангела Михаила [1, с. 301].

У славянских народов душу представляли в виде птицы, которая в дни поминовения посещает родной дом и могилу усопшего [31, т. 2, с. 166]. Пожилые люди заранее готовили себе *смертную одежду*. Болгары шили еще и специальную рубаху для души — на тот момент, когда она предстанет перед Богом [4, с. 83].

В качестве смертной обуви русские в ряде местностей использовали лапти: считалось, в них ловчее будет взбираться вверх по скользкой горе [15, с. 131–132, 204]. В Оренбургской губ., когда умирала повитуха, все повитые ею (т. е. те, рождение которых произошло при ее участии) клали в гроб ленты, веря, что по ним ее душа сможет беспрепятственно перейти через пропасть на тот свет (полевые материалы начала XXI в. одного из авторов — Е. Л. Мадлевской).

В южнорусских губерниях на сороковины готовили *лестницу* — печенье с поперечными полосками наподобие ступенек, по которым душа могла бы подняться на небо; после поминальной трапезы провожали душу, вынося на стуле «лестницу» из дома [31, т. 2, с. 167].

В целом, выставка давала отчетливое представление о вращении ряда ключевых библейских понятий, сюжетов, в особенности Нового Завета, в мирозерцание православных народов. В свою очередь, закрепление тех или иных образов за конкретными категориями предметов, имевших определенное назначение в быту, создавало единую зримую ткань народного православия.

Список литературы

Исследования

- 1 Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 416 с.
- 2 Василенко В. М. Русская народная резьба и роспись по дереву. XVIII–XX вв. М.: Изд-во Московского университета, 1960. 181 с.
- 3 Верещагин Е. М. Библистика для всех. М.: Наука, 2000. 281 с.
- 4 Ганина Л. Г. Между верой и поверьем: представления о душе после смерти у болгар-переселенцев // Мат. Восемнадцатых Междунар. Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского Государственного университета технологии и дизайна, 2019. С. 81–87.
- 5 Голдовский Б., Смолянская С. Театр кукол Украины: Страницы истории. Сан-Франциско: International Press, 1998. 275 с.
- 6 Давидова М. Г. Русский вертепный театр в традиционной культуре // Традиционная культура. 2002. № 1. С. 20–36.
- 7 Званцев М. П. Нижегородская резьба. М.: Искусство, 1969. 162 с.
- 8 Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков // Государственная оружейная палата Московского Кремля. Сборник научных работ по материалам Государственной оружейной палаты. М.: Искусство, 1954. С. 305–386.
- 9 Лирика русской свадьбы / изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л.: Наука, 1973. 323 с.
- 10 Мадлевская Е. Л. Образ винограда в русской орнаментике // Орнаментика предметов народной культуры. СПб.: ООО «Славия», 2022. С. 36–57.
- 11 Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с.
- 12 Музыкальный театр Белоруссии: дооктябрьский период. Минск: Навука і тэхніка, 1990. 382 с.

- 13 «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой. М.: Индрик, 2004. 576 с.
- 14 Некрылова А., Савушкина Н. Русский фольклорный театр // Народный театр. М.: Сов. Россия, 1991. С. 5–20.
- 15 Островский А. Б. Старообрядцы и православные в русском сельском социуме. Вторая половина XIX – XX век. Формы общения и ритуальная специфика. СПб.: Нестор-История, 2011. 279 с.
- 16 Островский А. Б., Баранов Д. А. Лев в русском крестьянском искусстве // Живая старина. 1996. № 3. С. 21–23.
- 17 Пошивайло О. Етнографія українського гончарства (Лівобережна Україна). Київ: Молодь, 1993. 408 с.
- 18 Савушкина Н. И. Русский народный театр. М.: Наука, 1976. 151 с.
- 19 Стоянова Г. Н. Образ смерти в уявленнях та обрядовій практиці слов'ян (на матеріалах польових досліджень в Південній Бессарабії) // Записки історичного факультету. Одеса: Одеська міська друкарня, 2010. Вип. 21. С. 44–52.
- 20 Тычинская П. А. Архангел Михаил. СПб.: Метропресс, 2013. 76 с.
- 21 Украинский народ в его прошлом и настоящем / под ред. Ф. К. Волкова. Пг.: Общественная Польза, 1916. Т. II. 690 с.
- 22 Шукин Н. Вертеп // Вестник Русского географического общества. 1860. Ч. 29, отд. 5. С. 27–35.

Источники

- 23 Апокрифы Древней Руси / сост., пред. М. В. Рождественской. СПб.: Амфора, 2008. 314 с.
- 24 Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 3. 740 с.
- 25 Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. 719 с.
- 26 Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. М.: Концерн «Возрождение», 1992. Т. 2. 672 с.
- 27 Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея / сост. А. Б. Островский. СПб.: Арт-Палас, 2007. 348 с.
- 28 Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 700 с.
- 29 Сказание, как сотворил Бог Адама / пер. М. В. Рождественской // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Худож. лит., 1980. С. 149–154.
- 30 Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 584 с. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. 702 с. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. 704 с. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. 656 с.

***

© 2023. **Lubov G. Ganina**
St. Petersburg, Russia

© 2023. **Elena L. Madlevskaya**
St. Petersburg, Russia

© 2023. **Aleksandr B. Ostrovskii**
St. Petersburg, Russia

**“BIBLICAL IMAGES
IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE ORTHODOX PEOPLES OF RUSSIA”:
EXHIBITION OF THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY
TO THE 520TH ANNIVERSARY OF THE GENNADY BIBLE
(JANUARY — MARCH 2021)**

Abstract: The paper reveals the intention and its implementing through a museum exhibition. Based on thematically selected monuments of traditional and everyday culture, the exhibition touches on events, images of Christian historical memory. First of all, it is Annunciation, Christmas, Crucifixion and Resurrection, as well as a number of Old Testament stories — the Creation of the World, Noah's Ark, the Judgment of Solomon. The various thematic sections of the exhibition depict such significant images as the paradise tree of life, the lion, the archangels, as well as fish — the early Christian symbol of Jesus Christ, grapes (the symbol of the Church of Christ).

The presented groups of objects are diverse in their place in folk life: ritual paraphernalia, nativity scene, house carvings, interior decoration items— ceramic products (plates, tiles), wooden painted utensils, woven and embroidered towels, decorative bone products, jewelry of the Eastern Slavs and Finno-Ugric peoples. The selecting of exhibits took into account that the ornamentation of objects of traditional and everyday culture had its source not always directly from the plots set forth in biblical texts, but also their folklore processing in the form of legends, beliefs; a number of sections display apocryphal Christian texts that were widespread among the people.

The exhibition gave an idea of the integration of a number of key biblical subjects and images, especially the New Testament, into the worldview of Orthodox peoples. The fixation of certain images for specific categories of objects that had a specific purpose in everyday life created a single visible fabric of national Orthodoxy.

Keywords: Biblical Images, Orthodox Peoples, Traditional Culture, Russian Museum of Ethnography, Museum Exhibition, Symbolism of the Lion, Fish, Grapes.

Information about the authors:

Lubov G. Ganina — Research Fellow, Federal State Budgetary Institution of Culture, The Russian Museum of Ethnography, Inzhenernaya St. 4/1, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7093-646X>

E-mail: lg1selena@gmail.com

Elena L. Madlevskaya — PhD in Philology, Leading Research Worker, Federal State Budgetary Institution of Culture, The Russian Museum of Ethnography, Inzhenernaya St. 4/1, 191186 St. Petersburg, Russia.

E-mail: madlevska@mail.ru

Aleksandr B. Ostrovskii — DSc in History, Senior Research Worker, Federal State Budgetary Institution of Culture, The Russian Museum of Ethnography, Inzhenernaya St. 4/1, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3175-0248>

E-mail: ost-alex@yandex.ru

Received: August 03, 2022

Approved after reviewing: October 10, 2022

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Ganina, L. G., Madlevskaya, E. L., Ostrovskii, A. B. “Biblical Images in the Traditional Culture of the Orthodox Peoples of Russia’: Exhibition of the Russian Museum of Ethnography for the 520th Anniversary of the Gennady Bible (January — March 2021).” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 145–167. (In Russ.) <http://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-145-167>

References

- 1 Bernshtam, T. A. *Prikhodskaia zhizn' russkoi derevni: Ocherki po tserkovnoi etnografii [Parish Life of the Russian Village: Essays on Church Ethnography]*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2007. 416 p. (In Russ.)
- 2 Vasilenko, V. M. *Russkaia narodnaia rez'ba i rospis' po derevu. XVIII–XX vv. [Russian Folk Carving and Painting on Wood. 18–20 Centuries]*. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 1960. 181 p. (In Russ.)
- 3 Vereshchagin, E. M. *Bibleistika dlia vsekh [Bible Studies for Everyone]*. Moscow, Nauka Publ., 2000. 281 p. (In Russ.)
- 4 Ganina, L. G. “Mezhdu veroi i pover'em: predstavleniia o dushe posle smerti u bolgarpereselentsev” [“Between Faith and Belief: Ideas about the Soul after Death among Bulgarian Immigrants”]. *Materialy Vosemnadtsatykh Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii [Proceedings of the 18th International Saint-Petersburgh Ethnographic Readings]*. St. Petersburg, Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr St. Petersburg State University of Technology and Design Publ., 2019, pp. 81–87. (In Russ.)
- 5 Goldovskii, B., Smolianskaia, S. *Teatr kukol Ukrainy: Stranitsy istorii [Puppet Theater of Ukraine: Pages of History]*. San-Frantsisko, International Press, 1998. 275 p. (In Russ.)
- 6 Davidova, M. G. “Russkii vertepnyi teatr v traditsionnoi kul'ture” [“Russian Puppet Theater in Traditional Culture”]. *Traditsionnaia kul'tura*, no. 1, 2002, pp. 20–36. (In Russ.)
- 7 Zvantsev, M. P. *Nizhegorodskaia rez'ba [Nizhny Novgorod Carving]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969. 162 p. (In Russ.)
- 8 Levinson-Nechaeva, M. N. “Odezhda i tkani XVI–XVII vekov” [“Clothing and Fabrics of the 16–17 Centuries”]. *Gosudarstvennaia oruzheinaia palata Moskovskogo Kremliia. Sbornik nauchnykh rabot po materialam Gosudarstvennoi oruzheinoi palaty [Collection of Papers on the State Armory Chamber]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1954, pp. 305–386. (In Russ.)
- 9 *Lirika russkoi svad'by [Lyrics of a Russian Wedding]*, publ. by N. P. Kolpakova. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 323 p. (In Russ.)

- 10 Madlevskaia, E. L. "Obraz vinograda v russkoi ornamentike" ["The Image of Grapes in Russian Ornamentation"]. *Ornamentika predmetov narodnoi kul'tury [Ornamentation of Popular Culture Objects]*. St. Petersburg, OOO "Slaviia" Publ., 2022, pp. 36–57. (In Russ.)
- 11 Maksimov, S. V. *Nechistaia, nevedomaia i krestnaia sila [An Impure, Unknown and Godly Force]*. St. Petersburg, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1903. 526 p. (In Russ.)
- 12 *Muzykal'nyi teatr Belorussii: dooktiabr'skii period [Musical Theater of Belarus: Pre-October Period]*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1990. 382 p. (In Russ.)
- 13 "Narodnaia Bibliia": *Vostochnoslavianskie etiologicheskie legend [The "People's Bible": East Slavic Etiological Legends]*, comp. and comm. O. V. Belovoi. Moscow, Indrik Publ., 2004. 576 p. (In Russ.)
- 14 Nekrylova, A., Savushkina, N. "Russkii fol'klorny teatr" ["Russian Folklore Theater"]. *Narodnyi teatr [Popular Theater]*. Moscow, Sovetskii Rossiia Publ., 1991, pp. 5–20. (In Russ.)
- 15 Ostrovskii, A. B. *Starobriadtsy i pravoslavnye v russkom sel'skom sotsiуме. Vtoraia polovina XIX – XX vek. Formy obshcheniia i ritual'naia spetsifika [Old Believers and Orthodox in the Russian Rural Society. The Second Half of the 19 – 20 Century. Forms of Communication and Ritual Specifics]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011. 279 p. (In Russ.)
- 16 Ostrovskii, A. B., Baranov, D. A. "Lev v russkom krest'ianskom iskusstve" ["The Lion in Russian Peasant Art"]. *Zhivaia starina*, no. 3, 1996, pp. 21–23. (In Russ.)
- 17 Poshivailo, O. *Etnografiiia ukrains'kogo goncharstva (Livoberezhna Ukraina)*. Kiiv, Molod' Publ., 1993. 408 p. (In Ukrainian)
- 18 Savushkina, N. I. *Russkii narodnyi teatr [Russian Folk Theater]*. Moscow, Nauka Publ., 1976. 151 p. (In Russ.)
- 19 Stoianova, G. N. "Obraz smerti v uiavlenniakh ta obriadovii praktitsi slov'ian (na materialakh pol'ovikh doslidzhen' v Pivdennii Bessarabii)." *Zapiski istorichnogo fakul'tetu*, Vol. 21. Odesa, Odes'ka mis'ka drukarnia Publ., 2010, pp. 44–52. (In Ukrainian)
- 20 Tychinskaia, P. A. *Arkhangel Mikhail [Archangel Michael]*. St. Petersburg, Metropress Publ., 2013. 76 p. (In Russ.)
- 21 Volkova, F. K., ed. *Ukrainskii narod v ego proshlom i nastoiashchem [The Ukrainian People in Its Past and Present]*, vol. II. Petrograd, Obshchestvennaia Pol'za Publ., 1916. 690 p. (In Russ.)
- 22 Shchukin, N. "Vertep." *Vestnik Russkogo geograficheskogo obshchestva*, part 29, issue 5, 1860, pp. 27–35. (In Russ.)